Вливание маны в камень полностью вымотало и без того истощенного Александра, так что тот потерял сознание. Единственный выживший из двух зам. командиров взял управление на себя. Раненным воинам помогли снять доспехи и расположили рядом с камнем, что сейчас по цвету напоминал сливочное масло. Трое солдат отправились за жрецом. Теперь наступит время его битвы.

Фотоли все также сидел в лесу. Кристалл в его руках уже давно потерял свои светлые тона. Из глубокой медитации его выдернули громкие шаги и бряцанье доспехов. Жрец вскочил, испуганно уставившись на пришедших.

— Старший Фотоли, с вами все хорошо? — от вида мудрого старика с широко открытыми глазами, воины сами не на шутку взволновались.

— Ах, да, да, да, — произнес жрец и упрятал бесцветный кристалл в поясную сумку. — Раз вы здесь, значит победа за нами. Сколько погибло? Александр жив? — начал закидывать он пришедших воинов вопросами.

— Мы потеряли семерых, командир жив, но его состояние ужасно. Просим вас, старший, поторопиться, — ответили трое воинов, отвесив поклон в конце. От такого, лицо жреца скривилось.

— Размяли поясницы? Молодцы, а теперь ведите меня. Вперед! — командирским тоном приказал Фотоли.

— Есть!

Вид некоторых раненных бойцов расстраивал Фотоли. Бросив охапку бинтов наиболее расторопному солдату, он направился к тяжело раненным. Бледный мужчина полулежа прислонился к камню. Правая кисть была полностью оторвана, а чуть выше намотана бечевка, затянутая палкой. Целой рукой солдат судорожно поддерживал культю в приподнятом состоянии.

Фотоли, присев рядом, схватил культю, вытащил из котомки синий камушек и бутылку с полупрозрачной жидкостью. Взяв камушек в руку, жрец влил в него свою ману. „Усни, сынок“, — произнес он заклинание, отправляя воина в царство Морфея. Из синего камня полилась чистая вода. Послушно следуя манипуляциям жреца, поток окутал культю, впитывая в себя грязь, песок и кровь. Дальше шар воды был передвинут подальше и развеян. С характерным шумом, грязная вода расплескалась по земле.

Достав острый нож, Фотоли обрезал лишние части мяса и обработал место отрыва жидкостью из бутылки. Если бы воин был в сознании, то он бы уже умер от болевого шока. Но даже так из-за обильной потери крови шансы были невелики. „Исцеление“, — на глазах тонкая белоснежная пленка покрыла всю поверхность ранения. Развязав жгут, Фотоли отправился ко второму и последнему тяжело раненному бойцу — Александру.

По внешнему виду можно было сказать, что у паладина всего лишь переутомление, но Фотоли знал этого психа, а потому начал сканировать его тело маной. Чем дольше он сидел перед его телом, тем более хмурым становилось выражение его лица.

Многого он сделать не мог. Тело и душа были на грани полного истощения. Фотоли повторил заклинание исцеления, и сломанные ребра окутала пленка, фиксируя кости на положенных им местах. Жрец влил часть своей маны в тело паладина, восстанавливая его запас. После поднялся и принялся командовать.

— Все, кто может твердо стоять на ногах принимаются за работу. Срубите деревья для погребения наших братьев. Монстров сложите рядом с камнем, у нас нет времени сжигать и их. Для тяжело раненных соорудите носилки. Пару человек отправьте на охоту. А вы, — Фотоли повернулся к солдатам с легкими ранениями. — После получения первой помощи отправляетесь помогать им. Всем все ясно?

— Да, старший Фотоли! — раздался нестройный глас солдат.

Пока солдаты молча проклинали все зло в мире, выполняя приказы, жрец рассматривал труп палочника и держал в своих руках прозрачный кристалл…

***

Целый день ушел на то, чтобы выполнить приказы жреца. Было сооружено кострище для семи погибших. Трупы монстров образовали маленькую гору, но находясь рядом с очищенным камнем, они не принесут проблем окружающей флоре, просто сгниют. Про падальщиков можно не волноваться. Ни одно здоровое животное не притронется к монстрам из бездны.

Альди только начинала свой закат. Одиннадцать людей стояло перед пылающим кострищем, слушая прощальные слова служителя господа.

„Смотрите, воины! Смотрите, как наши братья горят в последний раз. Все мы, как этот костер: появляемся из искры, перерастая в маленький огонек. Мы разгораемся все сильнее и сильнее, достигая своего апогея.

Но конец у нас один — потонуть во тьме, освещая путь остальным. Помните это! Души наших соратников погибали, погибают и будут погибать в мрачной хватке Бездны. Это величайший поступок, на который способна душа. Они пожертвовали всем: душой и телом, ради того, чтобы люди, которых они защищают могли оказаться перед Последним Трибуналом.

Храните память о своих соратниках в сердце. Пока вы живы - живы и они. Помните это, воины и идите по пути света с высоко поднятой головой!“ — закончил свою речь Фотоли.

Каждый стоявший здесь был связан с убитыми узами товарищества. Они делили одну еду,

вместе проливали пот и кровь, смеялись, грустили, ссорились, и мирились. А сейчас провожали их тела в последний путь. Что случается с душой? Душа погибшего от прихвостня Бездны остается навсегда в ней.

Простояв минут десять, часть воинов вернулась к бытовым делам. А чуть позже, весь отряд утолял свой голод, все-таки они не ели уже полтора дня. Как только догорел ритуальный костер, пепел был погребен под землей, а сверху установлены громадные камни, чтобы позже найти и поставить человеческие надгробия. Спустя полчаса все воины провалились в сон за исключением дежурных.

Утром, после сборов отряд двинулся в путь. Четверо воинов на двух импровизированных носилках несли своего командира и безрукого бойца. Несколько солдат несли мешки с доспехами и оружием — погибшим оно уже не понадобится. Обратный путь занял всего день, в отличие от двух дней прорыва вперёд. Так что включая перевал после битвы, поход занял в сумме четыре дня.

Мелисса первая увидела возвращающийся отряд. Бросив на землю корзинку с фруктами, она побежала к Ирону. Сейчас он сидел у братской могилы для погибших жителей деревни, а рядом с ним мальчик. Встав сегодня на ноги, он доковылял до этого места и весь день просидел тут.

Мелиссе даже пришлось через силу кормить его у могилы, а теперь Ирон караулил его. Мало ли что может натворить маленький мальчик после таких страшных событий?

— Ирон, Ирон, ау! — послышался вдалеке запыхавшийся голосок Мелиссы. — Наши вернулись, идем быстрее, слышишь?!

— Слышу! Сейчас приду! — громко прокричал парень и осторожно потрепал мальчика за плечо. — Пойдем. Я знаю, тебе сейчас плохо, но ты всегда сможешь вернуться сюда, — мальчик посмотрел на парня и кивнул. Ирон улыбнулся, помог ему подняться и, держа его за руку, пошел встречать воинов.

Во встрече не было ничего необычного. Ирон увел мальчика домой, а затем вместе с Мелиссой принялся помогать расквартироваться солдатам. Каждому достался отдельный дом для ночлега. Мелисса позаботилась о том, чтобы сегодня солдаты смыли с себя всю грязь и выспались в чистых кроватях. Мало что принесло бы воинам большую радость. Солдаты подходили и благодарили юную целительницу, чем немало смущали оную.

Прошло два дня…

***

Я сидел перед могилой, в которой покоятся останки моей мамы и быть может отца. Раны, нанесенные гулем ускоренно затягивались, спасибо стараниям молодой девушки, которую, как

я узнал звали Мелиссой. У нее были прямые светло-коричневые волосы, небольшой носик и в меру пухлые губы. Во взгляде ее карих глаз всегда был необъяснимый заряд бодрости, но думаю она это делает специально, чтобы подбодрить меня.

Ежедневно Мелисса разбинтовала мою рану на груди. Две диагональных зашитых полосы тянулись от правого плеча до середины левого бока. Она мазала их дурно пахнущим раствором и снова забинтовывала. Благодаря ей, вскоре я смог снова подняться на ноги. Рану на моем лице вылечил старик-маг с помощью своих заклинаний. Остался лишь узкий, но все же тянущийся через всю правую часть лица шрам.

— Дитя, можно присесть? — я обернулся и увидел высокого мужчину. Короткие рыжие волосы, квадратное лицо, большой нос и рот; глаза, наполненные непоколебимой волей. Он возвышался надо мной, как кот над котенком. Этот человек был на носилках, когда отряд вернулся обратно, а старший Ирон относился к нему с большим уважением. Сегодня этот человек впервые встал с постели.

— Да, старший… — произнес я, когда мужчина уже садился рядом, держа две миски с вкусно пахнущей похлебкой.

— Зови меня Александр, малыш, а как зовут тебя?

— Родители дали мне имя Влад, старший.

— Ну вот и познакомились, Влад, держи, — он протянул мне одну миску. Я взял, и мы принялись кушать. — Скажи мне, Влад. Есть ли у тебя родственники?

— Нет, старший, — ответил я, не понимая к чему он спрашивает.

— Тогда слушай. Завтра мы отправляемся в путь, и ты вместе с нами. Сегодня твой последний день здесь. Попрощайся с родителями и собери свои вещи, отбываем на рассвете, — привычным командирским тоном произнес Александр.

— Зачем? — зачем мне идти с ними? Куда они хотят забрать меня? Что вообще мне теперь делать? Старший вопросительно взглянул на меня. — Зачем мне жить? — тихо, будто бы про себя задал я вопрос.

— Ох, — Александр помассировал свои виски, а после присел передо мной на одно колено, а наши глаза оказались на одном уровне. — Влад, ты узнал тяжесть нашего мира в раннем возрасте, тебе непросто, поверь я понимаю тебя, правда. Мою, как и твою мать убили монстры Бездны. Сейчас ты можешь ненавидеть весь мир или жалеть себя, но поверь мне, это не поможет тебе, не вернет твоих родителей к тебе! Если ты не сможешь смириться с этим и начать жить дальше, то сам будешь поглощен тьмой. Скажи мне, твои родители хотели бы этого?!

— Нет, — с усердием я помотал головой.

Когда был неурожайный год, мама не печалилась, но с улыбкой говорила отцу: „Милый, разве стоит горевать, слезами делу не поможешь! Взгляни на меня и Влада, мы должны стараться ради друг друга.“ Слезы потекли из моих глаз.

— Эй, малыш, не плачь, ты же мужчина.

— Ради чего?! Зачем мне жить?! — я закричал. Александр положил теплую ладонь на мою голову и печально улыбнулся.

— Живи ради близких, малыш, ради друзей, ради всех людей. Живи ради бога. Но для начала ты можешь пожить ради себя, — эти слова врезались в мой разум. Было сложно понять их смысл, но мне было не до этого. Сейчас я ревел, как никогда в жизни. Кристально чистые бусинки капали на зеленую траву. Через пару минут я пришел в себя. Только немного пошмыгивал.

— Ну что, стало легче? — произнес он, глядя в мои заплаканные глаза. Кивок головы. — Вот и хорошо. Больше не плачь, не к лицу нам с тобой это, да? Пойдем собираться в путь.

http://tl.rulate.ru/book/10009/192464